

В последнем акте почему-то исчезла карта Африки, и Астрову приходится тыкать пальцем в равнодушный ученический глобус.

Все это, конечно, не мелочи, и к тому же не случайные «не мелочи».

Воспитывая вкус, неся со сцены идею прекрасного, борясь с теми, кто равнодушен к поэзии, театр не имеет права на компромиссы. «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». На сцене тоже должно быть все прекрасно: и мечта Астрова о будущем, и любая деталь декорации.

3. Что же дальше?

В первый раз я был в Башкирии почти четыре года назад. Тогда в репертуаре театра были такие пьесы, как «Одинокая берега» Мустая Карима, «У подножия Иран-дека» М. Хайдарова, — произведения, в которых театру было что сказать современному человеку о его сегодняшней жизни, было что нести со сцены в жизнь.

А сейчас? На какие волнующие всех нас вопросы найдет ответ зритель, придя в свой театр?

Стыдно сказать, сегодня в репертуаре театра, по существу, нет ни одного спектакля о современной жизни башкирского народа.

Впрочем, спектакль-то есть, но вряд ли можно считать, что он хоть мало-мальски похоже отображает жизнь.

Речь идет о пьесе И. Абдуллина «Бажалар» («Свои»). Ее появление имеет свою историю.

В 1951 году на сцене башкирского театра шла пьеса молодого драматурга Абдуллина «Прекрасные долины Ак-Идель». Она являла собой типичный образец бесконфликтной, розово-идиллической драматургии, где жизнь изображается как сплошной праздник, а мужчины и женщины, одетые в новенькие «радостных тонов» одежды, порхают как бабочки и щебечут как воробы.

Эта пьеска-однодневка встретила уже тогда единодушный отпор как со стороны зрителей, так и внутри театра. Актеры восстали против бездумно-бездейственной пьесы. Ее перестали играть. Но что же ставили после нее? Непонятно, как это могло случиться, но ставили такие же поверхностные и скороспелые сочинения того же Абдуллина. Молодого автора театр после-

довательно портил своей непростительной нетребовательностью. На протяжении нескольких лет Абдуллин написал около двух десятков пьес, и большая часть их была показана зрителю. О чем только не пытался театр рассказывать в этих спектаклях: о труде нефтяников, о современной колхозной деревне, об учителях и даже о формализме в музыке. Надо ли говорить, что в итоге он ни о чем не рассказывал.

В «Бажалар», как и в других пьесах такого рода, весь ход событий можно предсказать заранее, достаточно ознакомиться с характеристиками действующих лиц. Здесь есть полный комплект дежурных персонажей: симпатичный, заблуждающийся (и, конечно же, перековывающийся под влиянием одного стандартного внушения) герой: есть и парторг, магически распутывающий все недоразумения; есть хлопотливая, всех угощающая хозяйка — жена героя; есть молодая пара, жених и невеста, ссорящиеся в первом акте и целующиеся под занавес; есть дед-передовик, приехавший из колхоза и поучающий своих зазнавшихся городских потомков; есть блатмейстер и очковитратель, обладатель тепленького местечка и жены модницы и сплетницы, — словом, стандартный «набор номер один» (комедийный).

Оттого, что стандартного героя зовут не Иваном, не Сандро, не Гуссейном, а Бакиром, блатмейстера — не Жорой, а Абляем, а модницу и бездельницу не Дианой или Агой, а Кильдебикой, суть дела не меняется: стандарт остается стандартом. И то, что было живым и свежим в первоисточнике, стало стертым при десятикратном повторении.

Герои «Бажалар» — рабочие-нефтяники. Об этом можно догадаться хотя бы по нефтяным вышкам, которые красуются позади роскошной виллы — жилища героев, да по парадным горным мундирам. Парадность дает себя знать не только в архитектуре и одежде. Показное изображение жизни стало стилем произведения, он задан драматургом, его ревниво оберегают постановщики спектакля Р. Файзи и художник Г. Имашева.

Вот деталь, говорящая о многом. Все стулья в доме стахановца Бакира уже при поднятии занавеса повернуты к зрительному залу, даже те, что стоят у стола, сиденьями обращены не к столу, а к залу.